
Евгений СТЕПАНОВ

КОВИДНАЯ ТЕТРАДЬ

ТЫ

*Светлой памяти
Наталии Лихтенфельд*

На собственном уча примере,
Ты научила жить меня
В любви, согласии и вере,
Как вечность каждый миг цена.

Но ты ушла (ковид, могила).
Я плачу, мучаясь, скорбя.
...Ты одному не научила —
Жить без тебя.

Жить без тебя.

ПАССАЖИР

Пассажиром «Пепелаца»
Отправляюсь в дальний путь.

Что осталось? Попрощаться
И вздохнуть.

Скажут: «Прожил жизнь паяца,
У чинуш был не в чести».

Что осталось? Попрощаться
И сказать: «Прости!..»

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатался в журналах «Нева», «Дружба народов», «Знамя», «Звезда», «Урал», «Наш современник», «Интерпоэзия», «Арион», «Юность», «День и ночь», «Волга», «Подъем», «Дон» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет в Москве и поселке Быково (Московская область). Главный редактор журнала поэзии «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига и премии журнала «Нева».

ЧЕСЛАВ МИЛОШ

в ковидной больнице
дней через десять когда мне стало полегче
я много читал стихов в телефоне
в частности моего любимого Чеслава Милоша
в переводах Натальи Горбаневской и Виктора Куллэ
(была очень хорошая подборка в «Новом мире» несколько лет назад)
и вот меня поразило стихотворение
о путешествии автора на землю
как он запоминал здесь запахи трав и деревьев
и все это сохранил в памяти и унес с собой туда *домой*
откуда и прилетел сюда

да все верно
иначе и нельзя воспринимать земную жизнь
я тоже старался запоминать запахи лица людей деревья
чтобы сохранить это в памяти и потом — *дома* — рассказать...

а еще в больнице я хотел встать на колени перед каждым человеком
кто заходил ко мне в палату перед медсестрой и санитаром врачом и уборщицей
я понял как люблю всех
я понял как меня любят все

мне было очень хорошо в больнице
хотя живот от уколов стал черным
и вены болели

ВРЕМЯ

Время, как ходики, тикает.
Что мы имеем? Миг.
Люди становятся книгами.
Книги — людьми.

БОЛЬНИЧНАЯ ПАЛАТА

Мир — одна большая коммуналка;
Общий быт, и кухня, и сортир.
Мир — одна большая «Коммунарка».
Хрупок и прозрачен этот мир.

Не бывает боли без причины.
Не бывает жизни про запас.
Эликсир один — мы все едины.
Кто-нибудь да выживет из нас.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ

Тяжела плохая весть
И внезапна, точно тать.

Есть и радости — поесть,
Написать стишок, поспать.

Водкой горе не залить,
Не поможет здесь бухло.

А мечта моя — забыть,
Что со мной произошло.

И ДЕННО, И НОЩНО

В ковидной больнице, от боли сгорая,
Я знаю: больница — преддверие рая.

И Коля, медбрат, мой архангел земной,
И денно, и ночью в палате со мной.

И Зуля, родная моя медсестра,
И денно, и ночью светла и добра.

Живот почернел. Но душа обогрета.
В ковидной больнице — симфония света.

ТАМ

Испита не до дна моя земная чаша.
Куда ни бросишь взор — повсюду ты, Наташа.

Повсюду я с тобой, повсюду ты со мною.
И сорок лет подряд жизнь не была иною.

Но ты ушла туда, откуда нет возврата.
Там старый серый кот бежит молодцевато.

Там чистая вода и брызги водопада.
И надо жить и жить, а умирать не надо.

Там *огнегривый лев* из песни знаменитой
Гуляет со своей неотменимой свитой.

Там ведает душа: не долговечны беды.
И не нужны слова для дружеской беседы.

Там жизнь теплей земной, теплей и многогранней.
И смерти больше нет, и больше нет страданий.

ДОЖДАТЬСЯ ВЕСНЫ

Мы вместе с тобою. А все-таки врозь.
Иммунное поле пробито насквозь.

Как жить? Не сдаваться, страдать и терпеть,
Уменьшить таблетки хотя бы на треть...

Взлететь над бедой, над недугом своим,
Весною поехать на Родину — в Крым.

РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

Анна Ахматова

Почему судьба так осерчала
На меня? Наверно, неспроста.
Я хотел бы жить начать сначала,
Но не в силах — с чистого листа.

И в душе теперь такая стужа —
Что бы я кому ни говорил...
Горе — это море, а не лужа.
Перепрыгнуть — не хватает сил.

Надо жить, ведь каждый миг — награда.
Хоть глаза слезятся и кричат,
Надо жить. Я точно знаю: надо.
Надо жить — для дочки и внучат.

Надо жить для Оли и бабули,
Надо жить для Юли и отца.
Хоть утраты жизнь перевернули,
Надо жить, сажая деревца.

Надо, не сбавляя обороты,
Жить и верить, бранный мир любя.
Надо жить для дела, для работы
И — хотя б немножко — для себя.

ТУТ И ТАМ

Если человек родился, значит, человек умрет.
А хотелось бы, чтоб было хоть чуть-чуть наоборот.

А хотелось бы, чтоб люди, обитатели Земли,
Воротиться после смерти (став гуманнее) могли.

Почему-то воротиться не торопится никто.
Значит, что-то здесь пугает, значит, что-то здесь не то.

Значит, там намного лучше, безопаснее, чем тут.
Значит, там красивей птицы голосистые поют.

МАРШРУТ

Это микст пустоты и тревоги —
Мой сегодняшний грустный маршрут.
Постковидные ватные ноги
Еле-еле по снегу идут.

Но я чищу дорожки лопатой,
Прогоняю с участка пургу.
И с болячкой этой проклятой,
Я надеюсь, расстаться смогу.

Я молюсь, припадая к иконе.
Боль проходит, увы, не спеша.
Слов не хватит в моем лексиконе,
Чтоб сказать, как страдает душа.

СОЛЬ ЗЕМЛИ

Мой опыт без тебя — на кончике иголки
Уместится легко, он очень-очень мал.
Дни были хороши, и радостны, и горьки.
Но то, что ты уйдешь, я не предполагал.

Сидели за одной инязовскою партой,
Растили дочь, внучат и разбивали сад.

И в этой колее неспешной и стандартной
Я видел соль земли. И счастлив был стократ.

...Что делать... Это жизнь. А жизнь не виновата,
Что всем дана своя конкретная стезя,
Что если есть рассвет, наступит жечь заката.
И этот приговор обжаловать нельзя.

ВОПРОСЫ

А время, как маньяк,
Идет за мной с кастетом.

За что? Как вышло так?
Я мешкаю с ответом.

Непостижим замес
Вопросов этих острых.

...Как Пушкин и Дантес,
Женатые на сестрах...

В ЧИСТОМ ВИДЕ

Так вырастает в чистом виде
Из бицепсов и мозга трюк.
Так вырастает из Кальпиди
И новый смысл, и новый звук.

Не радуют ни эпикриз, ни
Таблетки, что горой лежат.
Так вырастает смерть из жизни,
Из смерти — жизнь и новый взгляд.

Что потеряешь, то желанней.
Жестока эта колея.
Из радостных воспоминаний
Так вырастает боль моя.

ЗНАЮ

Скажешь — это карма, или рок,
Или что-то вроде страшной черной метки.
Знаю: и несильный ветерок
Деревцам способен раздербанить ветки.

Алчет смерть, земную жизнь круша,
В мертвецы людей зачислить и в калеки.
Но душа, красивая душа
Умереть не может и жива вовеки.

И БУДЕТ НЕБО ЯСНОЕ

А то, что жизнь кусается, так это всех касается.
И богачу достанется не меньше, чем бомжу.
А я гляжу, как тянется к лучам сосна-красавица —
И как-то легче на сердце. Восторженно гляжу.

А то, что жизнь кусается, так это всех касается.
Людей счастливых, кажется, на пальцах перечесать.
Судьба навряд ли здравница, скорее плеть и палица.
Но все ж придет, как странница, и к нам благая весть.

И будет небо ясное, и будет море синее
В какой-то неизведанной далекой стороне.
И прочь уйдет ужасное греховное уныние.
И ты придешь — прекрасная — придешь ко мне — во сне.

Я НАДЕЮСЬ

К милосердным коленям припав.
Иван Бунин

Много, очень много, даже с перебором
Т а м теперь знакомых, близких и родни.
В час, когда предстану — грешный — перед Богом,
Знаю, похлопочут обо мне они.

Скажут — жизнь любил он, не ценил барыш в ней,
Свой талант нешумный развивал, как мог.
Я надеюсь: будет милостив Всевышний
И простит придурка милосердный Бог.